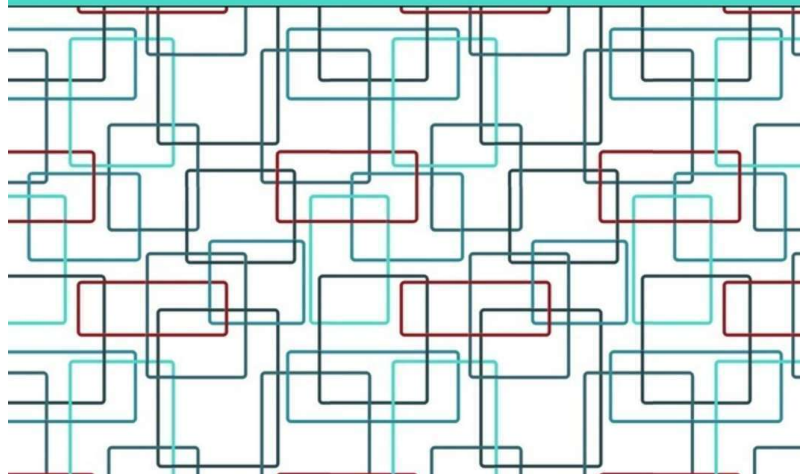

Семён Ешурин

Авторитеты без пиетета

Триптих о классиках

Семён Юрьевич Ешурин

Авторитеты без пиетета.

Триптих о классиках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24502697

ISBN 9785448342196

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. В первой части («Никакой мистики») дано окончание неоконченной «страшилки» Лермонтова «Штосс». Во второй («Рукопись, найденная на помойке») хоть и голословно, но логично ставится под сомнение авторство ВСЕХ произведений Франсуазы Саган. Ну а третья часть и вовсе называется «В соавторстве с классиками».

Содержание

Раздел 1. Никакой мистики	5
Глава 1. Предисловие	5
Глава 2. Краткое содержание неоконченной повести Михаила Юрьевича Лермонтова «Штосс»	7
Глава 3. Окончание той же повести Семёна (тоже) Юрьевича Ешурина	10
Раздел 2. Рукопись, найденная на помойке	16
Глава 1. Папка из мусора	16
Глава 2. Юная плагиатка	18
Глава 3. Новой повести – нового автора!	20
Глава 4. «Шлифовка» текста повести	22
Глава 5. Обормотка, ставшая... классиком!	25
Раздел 3.	27
Предисловие	27
Глава 1	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Авторитеты без пиетета

Триптих о классиках

Семён Юрьевич Ешурин

© Семён Юрьевич Ешурин, 2017

ISBN 978-5-4483-4219-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Раздел 1. Никакой мистики

Глава 1. Предисловие

Настоящий (в смысле «данный») опус включает в себя две части, противостоящие друг другу, как «лёд и пламень», а с учётом нумерации – как «пламень и лёд»!

Первая часть является вольным (даже слишком!) пересказом незаконченной повести «Штосс» великого Лермонтова (именуемого в дальнейшем «классик»). Если читатели, возмущённые подобной вольностью, захотят приникнуть к животворному источнику классики, то «Штосс» есть в интернете. В этом шедевре классик с непревзойдённым мастерством нагнетает мистическую атмосферу, а затем... на самом интересном месте обрывает повествование. Видимо, гению не хватило гениальности, чтобы «расхлебать заваренную им кашу»!

Автором возмутительного пересказа и ещё более возмутительной второй части является бывший петербуржец (в отличие от классика – коренной), а ныне житель заморского (средиземноморского) Ашкелона некий Семён Ешуриин (именуемый в дальнейшем «графоман»). Самонадеянный выскочка не только выказывает неуважение к классику, пытаясь «докончить то, что он не смог», но ещё и неуклюже пы-

тается во второй части опуса развенчать нагнетённую мистику. Кстати, закавыченная фраза закавычена потому, что является частью «графоманского» извращения другого классика, ещё более неприкосновенного:

«Мой дядя самых честных правил,

Когда не в шутку занемог, Меня к жене своей отправил
ДОКОНЧИТЬ ТО, ЧТО ОН НЕ СМОГ.»

Глава 2. Краткое содержание неоконченной повести Михаила Юрьевича Лермонтова «Штосс»

Давным-давно... В связи с этой идиомой графоману вспоминается жванецко-райкинское подражание «мурлым мурло» и собственное алкогольное извращение подражателей «мерлым Мерло». Но вернёмся ближе к те... ксту.

Давным-давно в мрачные лермонтовские времена жил да был некий господин Лугин. Учитывая, что эта фамилия похожа на «Лужин», графоман без согласования с усопшим классиком присвоил ему имя-отчество «Александр Иванович». Речь не о том Лужине, который в «Преступлении и наказании» Фёдора Достоевского и который «Пётр Петрович», а о том, который в набоковской «Защите Лужина». Тем более, лермонтовский и набоковский персонажи не совсем адекватны.

Далее у графомана не поднялась рука кромсать классика, и он воспользовался изложением сюжета из википедии.

«Художник Лугин по возвращении из Италии в [Петербург](#) изнывает от сплина. Он не может окончить начатый им женский портрет. В беседе с фрейлиной Минской он сетует на то, что лица людей в последнее время кажутся ему жёлты-

ми («у людей вместо голов лимоны»), а неведомый голос скороговоркой нашёптывает в ухо один и тот же адрес: «в Столярном переулке, у Кокушкина моста, дом титулярного советника Штосса, квартира номер 27».

По совету Минской ранним ноябрьским утром Лугин отправляется на поиски заветного адреса. В грязном Столярном переулке его внимание привлекает здание без таблички с именем владельца. «Что-то ему говорило, что он с первого взгляда узнает дом, хотя никогда его не видал». Дворник подтверждает, что дом недавно купил некий Штосс. Квартира 27, по его словам, пустует и, судя по всему, приносит своим обитателям несчастье: один разорился, другой умер.

Осмотрев «нехорошую» квартиру, Лугин принимает решение тотчас же переехать туда из гостиницы. Он чувствует «ожидающую бездну», но не может остановиться. Особенное любопытство возбуждает у него висящий в последней комнате «поясной портрет, изображавший человека лет сорока в бухарском халате», судя по всему – завязанного игрока. Вместо имени художника внизу портрета выведено красными буквами: «Середа».

В «середу» (или на современном языке в среду) ночью к Лугину является постаревшая фигура с портрета – седой сгорбленный старичок с неопределёнными очертаниями. «Возле него колыхалось что-то белое, неясное и прозрачное»: как станет ясно позднее, юная дочь. «То не было существо земное – то были краски и свет вместо форм и тела».

На вопрос Лугина о том, как его зовут, старик переспрашивает: «Что-с?»

Старик предлагает прометать [шТОСС](#), а на кон ставит свою спутницу. Каждую ночь игра возобновляется, и Лугин раз за разом проигрывает. Игра за идеальное создание становится целью его жизни: «он был этому очень рад». Посещения таинственного старика продолжаются ночь за ночью целый месяц. Видя, что его деньги заканчиваются, Лугин начинает распродавать своё имущество. Он осознаёт, что надо на что-то решиться. И «он решился» – на этой фразе текст обрывается.» (Конец цитаты из википедии.)

Глава 3. Окончание той же повести Семёна (тоже) Юрьевича Ешурина

А решился Лугин на продажу своего загородного дома (жилья в Санкт-Петербурге у него не было, поэтому ранее и жил в гостинице). За двадцать дней игры (на счёт месяца Лермонтов погорячился, так как был недостаточно силён в арифметике) Лугин, ежедневно удваивая ставку, проиграл миллион. В уплату долга пришлось продать и дом, и всё имущество, а главное – залезть в огромный долг. В итоге он оказался в долговой тюрьме. За месяц пребывания в этом некомфортном учреждении несчастный испил до дна чашу страданий.

Наконец, беднягу вызвали к начальнику тюрьмы. Тот распорядился узника помыть и приодеть. Затем лично привёз в роскошный особняк. Там горемыку встретил... тот самый мужчина с портрета в том самом бухарском халате! На стене висел... тот самый портрет, но выполненный более мастеровской рукой. Хозяин приветствовал гостя:

– Разреши представиться, генерал от инфантерии Андрей Васильевич Середа.

– У меня дома (... то есть на съёмной квартире) висел Ваш портрет! Правда, сейчас не осталось ни квартиры, ни дома, ни портрета, ... ничего!

– При любви к картам это не удивительно, – пояснил генерал. – И насчёт портрета – тоже не удивительно. По просьбе дирекции Академии художеств я одолжил им сей шедевр на месяц, и с него было сделано множество копий... А теперь о главном. Помнишь ли ты, юный друг, как год назад оставался проездом в одной захудалой псковской гостинице.

– Помню не столько гостиницу, сколько служанку Агашку. Очень обходительная вежливая девица.

– Но ты с ней обходился не очень вежливо. И в итоге вашему сыну сейчас три месяца! Недавно умерла бабушка служанки и совершенно неожиданно оставила в наследство внучке (которую ни разу в жизни в глаза не видела!) два миллиона золотых. Её дочь Аглашка, мать Агашки... то есть Аглая, мать Агафьи сбежала с нищим актёром. Мамаша её прокляла и никогда не общалась. Аглая приходилась мне троюродной сестрой. В детстве она спасла мне жизнь во время купания. Пять лет назад бедняга погибла – её сбил пьяный извозчик... Неделю назад Агаша узнала, что беспутный отец её чада попал в долговую тюрьму. Она тут же приехала ко мне с сыном и... с миллионом золотых! Влюблённая дура готова выкупить тебя задаром. Но я-то в тебя не влюблён и ставлю условие – хочешь свободу – женись.

– Ладно уж, придётся. Готов поменять тюремное заключение на... семейное!

Вскоре Агафья и её сын стали Лугиными. Семья переехала в Псков. Бывшего светского щёголя и картёжника больше не тянуло в свет и за карты.

За пять лет совместной жизни «обходительная и вежливая» спутница жизни осчастливила мужа ещё двумя сыновьями и двумя дочерьми.

Наконец, в Чечне геройски погиб генерал Середа. Всё его имущество было завещано Агафье Лугиной и её детям. Отцу семейства Лугиных был завещан запечатанный конверт. Послание усопшего гласило:

«Милостивый государь Александр Иванович! Раз уж Вы читаете это письмо, то меня нет в живых. Попробую с того света, как говорится, расставить все точки над «і» (хотя я бы предпочёл расставлять точки над «ё», так как над «і» только одна точка!).

Ваша покойная тёща Аглая никакая мне не троюродная сестра. И жизнь при купании она мне не спасала. Жизнь-то не спасала, а вот род продлила! Я был юнкером военного училища и бредил театром. Мужа Аглаи убило на репетиции упавшей декорацией. Вдова тут же обратилась к тайно влюблённому в неё юнцу с пикантной просьбой. Когда настали благоприятные для зачатия дни, я исполнил эту просьбу и стал отцом Агаши. Это подтверждается тем фактом, что она – рыжая (как и моя мать!). Всю жизнь я платил своей пассии алименты, но неофициальные. После её смерти про-

должал платить дочери. Эти деньги как бы высылал сбежавший от воинской повинности в Америку отец погибшего актёра, формально считавшегося отцом Агаши...

Когда Вашими стараниями моя дочь была на шестом месяце, я случайно узнал о её беременности и Вашем вкладе в продолжение моего рода. Затем разработал свой дьявольский план. Ну так и Вы, ныне «милостивый государь» тогда были далеко не ангелом!

О существовании титулярного советника Штосса я слышал и ранее, хотя знакомы мы не были. Я придумал игру слов «Штосс – что-с» и поэтому остановил свой выбор на доме советника в Столярном переулке. Затем послал туда своего слугу. Тот дал дворнику приличную взятку и устроился на его место. В квартире я оставил одну из копий своего портрета.

А теперь – о тайне, которую я скрывал всю жизнь, но не вижу резона скрывать её после смерти. Я обладаю (точнее, обладаю!) даром месмеризма или, современно выражаясь, гипноза. То есть внушаю людям то, что хочу, после чего стираю у них из памяти факт разговора со мной. Таким образом, подкараулив однажды тебя, я внушил, что ты слышишь голос, рекламирующий дом Штосса. А заодно и то, что ты видишь лица жёлтыми даже в том случае, если их обладатели не китайцы!

Ты не устоял перед внушённой рекламой и явился в нужный дом. Затем переговорил с моим слугой, временно ис-

полняющим обязанности дворника и узнал выдуманную мной историю прежних жильцов, возбудившую твой интерес. В итоге ты поселился в нужной квартире.

Каждую ночь я стал посещать тебя и обыгрывать в карты. Я и впрямь играю лучше, но в некоторых случаях не везло, и тогда я внушал тебе, что ты проиграл. Я показал тебе гравюру моей бабушки в молодости и внушил, что это прекрасная незнакомка, бесплатно (и бесплатно!) следующая за мной. Ну, и свой облик в твоём воображении сделал постаревшим и расплывчатым... В результате всей этой мистики ты вполне реально «загрел» в долговую тюрьму.

Затем, выждав месяц, чтобы ты окончательно «дошёл до кондиции», я приехал в Псков к родной дочери и представился троюродным братом её покойной матери, спасшей мне жизнь. Как бы узнав от Агаши о смерти Аглаи, я выразил горячее желание принять участие в судьбе будущего внука своей как бы спасительницы. Беременная сообщила, что понесла от проезжего светского щёголя Шурика Лугина, который об итоге своих «трудов праведных» (точнее, неправедных!) не осведомлён. Бедняжка пояснила, что осведомлять папашу о будущем ребёнке нет смысла – жениться он всё равно не захочет, а если и захочет, его в светском обществе не поймут. Платить же алименты не сможет, так как постоянно ныл о своём бедном положении. Тут я как бы вспомнил, что некий Александр Лугин попал в долговую тюрьму, о чём писалось в газете «Санкт-Петербургские ведомости».

Незадолго до этого Агафья получила в наследство от своей бабушки два миллиона золотых. Самое интересное, что у старухи на смертном одре и впрямь проснулась совесть – я к этим деньгам отношения не имею. Из этой суммы Агаша выделила миллион на выкуп своего жениха. Дальнейшее тебе известно.

И самое главное. Я знаю, что ты ныне искренне любишь жену и детей. Так знай же: это не моё внушение, а её заслуга.

Твой неофициальный тесть Середа.»

Лугин прочитал послание и проговорил:

– Зато то, что я бросил карты, светское общество и переехал в Псков – твоя, тестюшка, заслуга. Ну и на том спасибо!

Раздел 2. Рукопись, найденная на помойке

Глава 1. Папка из мусора

27 ноября 1953 года произошло событие, которое хоть и не вошло в историю культуры, но оставило в ней заметный след.

Поклонники Бориса Гребенщикова возразят, что день рождения их кумира вписан в упомянутую историю золотыми буквами! ... Но речь пойдёт об ином событии.

Итак, в эту пасмурную пятницу 18-летняя парижанка Франсуаза Куаре... выносила мусор. Из кучи объедков и прочего хлама сиротливо выглядывал уголок скоросшивателя. Девушка из любопытства извлекла папку на свет Б-жий и прочитала: «Жак Буше «Записки малолетки».

Автор не был известен в литературных кругах, но был известен Франсуазе. Чудаковатый профессор-психолог жил в соседнем подъезде.

Дома мадмуазель Куаре более или менее отмыла папку и углубилась в чтение отпечатанной на машинке истории. Повествование велось от лица 17-летней полу-француз-женки Цецилии, названной в честь умершей от родов мате-

ри-итальянки. Героиня повести была полной противоположностью прилежной благовоспитанной Франсуазе. Цецилия никак не могла заставить себя учиться, она пила, курила, завела любовника. Но при этом была такой живой и непосредственной, что читательница даже позавидовала.

Психологические нюансы были «выписаны» с поразительным мастерством. Чувствовалась рука опытного психолога, ... а не 17-летней балбески.

– Читатель не поверит, – проговорила Франсуаза. – Вот если бы автором была сама Цецилия... А чем, собственно говоря, Франсуаза хуже?!

Глава 2. Юная плагиатка

На другой день в кабинет издателя Рене Жюйяра вошла невысокая стройная (если ни сказать «худая») девица с довольно симпатичной, но не ослепительно красивой физиономией и новым скоросшивателем.

Красавчик-издатель, похожий на мопассановского «милрого друга» ДюруА, минут пять заигрывал с гостьей, затем взял папку и прочитал:

– Франсуаза Куаре «Записки малолетки».

«Знакомое название! – подумал Жюйяр. – ... В отличие от автора!»

Он полистал повесть, затем понюхал и изрёк:

– Обложка новая, а остальное как будто с помойки!

– Так и есть! – не моргнув глазом согласилась «юная писательница». – Повесть раскритиковала училка литературы. А я натура творческая, импульсивная! ... В общем, на помойку выкинула. А потом поостыла и решила, что моё творчество предназначено не для таких ханжей, как эта старая грымза. ... Еле успела до вывоза мусора. Обложку, сами понимаете, сменить пришлось.

Рене десять минут листал рукопись, затем изрёк:

– Я тут смотрю, главная героиня – особа экстравагантная. А ты в жизни такая же?

– Я такая, какая потребуется!

– Достойный ответ! – засмеялся издатель. – Приходи послезавтра в это же время.

Через день девушка, немного волнуясь, шла к издателю.

«Если дело „выгорит“, – думала она, – то можно получить... триста франков. Из них половину – соседу за соавторство.»

Рене Жюйяр встретил Франсуазу, сооротив «кислую» физиономию:

– Слабовато, конечно. Язык корявый, временами скучновато...

Франсуаза протянула руку за папкой. Но Рене пододвинул папку к себе и закончил:

– ... Но если как следует «причесать», то, возможно, что-то и получится. Договор заключим позже, а пока возьми «на конфеты» часть аванса.

Франсуаза дрожащими руками пересчитала банкноты и сперва восторженно, а затем недовольно проговорила:

– Пятьсот франков!! ... Всего нАвсего?! ... Ну, для первого раза сойдёт.

Глава 3. Новой повести – нового автора!

Через полчаса в холостяцкую квартиру профессора-психолога явилась сияющая соседка из соседнего подъезда с бутылкой коньяка «Наполеон».

– Месье Буше! – с порога заявила Франсуаза. – Предлагаю выгодный обмен. Вы мне – мусор, а я Вам – коньяк!

– С удовольствием, – усмехнулся Жак, щуплый очкарик среднего роста лет сорока. – Сейчас принесу мусор.

– Не надо, я уже взяла. Речь идёт о «Записках малолетки».

– Ах, вот оно что! – якобы только сейчас догадался Буше.

– Так это только за право публикации под моим именем! – поспешно добавила Франсуаза. – А половина гонорара, естественно Ваша! Можем, если не верите, договор составить.

– Уже не надо, – вздохнул профессор. – Только не половина, а десять процентов.

– Да Вы грабитель! – возмутилась девушка. – А ещё в очках! ... Ладно уж, согласна. Чего ни сделаешь, чтобы стать знаменитой!

Франсуаза произвела перерасчёт и протянула «грабителю» 450 франков:

– Мне в счёт аванса 500 франков выдали. Возьмите Ваши девяносто процентов.

– Только десять, – ещё раз вздохнул Буше. – И не из твоих

денег.

– А из чьих?

– Рене Жюйяра.

– Так Вы всё знаете?! – поразилась Франсуаза. – Но откуда?

– Всё не знает даже энциклопедия. А я знаю от упомянутого Рене Жюйяра. Видишь ли, детка, я приносил рукопись в семь издательств и в их числе – в жюйяровское. И везде вернули. Поэтому ты и нашла сей опус на помойке. ... А вчера ко мне приходил Жюйяр с адвокатом. Они предложили для моей новой повести нового автора – тебя! ... Почитай договор.

Из договора следовало, что Жак Буше отказывается от авторских прав на повесть с условным названием «Записки малолетки», за что получит 10 процентов гонорара.

– Жюйяр прав, – признал теперь уже неофициальный автор повести. – Моё имя никому не нужно, а твоё произведёт сенсацию! ... Открывай свой коньяк.

Глава 4. «Шлифовка» текста повести

Через несколько дней Жюйяр вызвал «юного автора».

Хочу согласовать некоторые изменения. Отца Цецилии, пожалуй, оставим Реймоном, а вот невесту ... «Марианна» звучит слишком длинно. КАк тебе «МарИ»?

– Да хоть «Анна»! – усмехнулась Франсуаза.

– Решено! – неожиданно согласился Рене. – Пусть будет «Анна». Теперь о бывшей любовнице. То, что она рыжая, меня устраивает, а вот то, что «БЕтси»...

– Пусть будет, к примеру «Вирджинией», как «Вульф».

– Ты не поняла. Я не вижу её англичанкой. ... А вот немкой...

– «Гертрудой», что ли?

– Зачем? Переделаем твою «Бетси», то есть «Элизабет» или «Элизу» на немецкий лад и получим «Эльзу».

– Ну, «Эльза», так «Эльза», – согласилась Франсуаза.

– Теперь о финале. У тебя, ... то есть у... Ах, да! ... Так Вот, у тебя в повести после козней Цецилии Анна застаёт Реймона в объятьях Эльзы и бросает его. Но при этом остаётся живой и невредимой.

– А Вы хотите сделать её инвалидкой?

– Нет. Покойницей. Может же она покончить с собой? Например, якобы случайно сорваться на машине в прОпасть?

– Ну, тогда уж пусть в ту же прОпасть сиганёт раскаявша-

ся Цецилия! – рассердилась Франсуаза.

– В количестве трупов надо знать меру, – усмехнулся Жюйяр. – Но с «Цецилией» мы, пожалуй, покончим! ... То есть... переименуем её в нашу, французскую «Сесиль». И тогда из помершей от родов мамыши не надо будет делать итальянку. Хватит с нас иностранки Эльзы!

Рене вынул пачку «Филипа МОрриса».

– Прикуривай.

– Спасибо, не курю.

– А Сесиль – курила!

– Понятно...

Франсуаза сделала затяжку и долго кашляла.

– Ничего, научусь, – заверила она.

– А как с алкоголем?

– Употребляю в меру, но, как свинья, ... то есть как Сесиль не напивалась. Но раз надо... А теперь будет вопрос про любовника?

– С тобой приятно иметь дело! – расхохотался Жюйяр. – Схватываешь на лету! ... Впрочем, я не имею права тебя принуждать.

– Вы могли бы сыграть роль моего первого любовника?

– Ну как можно устоять пред такой... просьбой?! – улыбнулся издатель.

...Наутро Рене сказал юной любовнице:

– Дорогая! После того, что между нами произошло, ты

уже не малолетка! А уж потаскуха Сесиль перестала ей быть в начале повести. Поэтому надо бы придумать новое название. Я этим займусь. А ты, пожалуй, придумай себе псевдоним. И ещё небольшой нюанс. Критики наверняка усомнятся, что столь зрелое произведение накропала столь незрелая особа, как ты. И тогда мы им предъявим черновики с многочисленными исправлениями, написанные твоей рукой.

Издатель думал, что самозванка начнёт «скулить», но Франсуаза даже обрадовалась:

– Классно! Я им такие творческие муки «сооружу», что закачаются!

Глава 5. Оборотка, ставшая... классиком!

В марте 1954 года повесть вышла в свет и произвела эффект разорвавшейся бомбы. В первый год было выпущено и тут же распродано полтора миллиона экземпляров.

Как и предвидел мудрый издатель, возникли сомнения в авторстве Франсуазы. Но в телевизионном интервью девушка предъявила черновики и очень толково ответила на заранее известные вопросы «подсадных» журналистов.

Нашёлся «неподсадной» журналист, раскопавший «жареный» факт. Оказывается, пресловутая Франсуаза – соседка некоего профессора-психолога Жака Буше. СтОит ли удивляться психологическим нюансам её шедевра?

В ответ на «клевету» выступил сам психолог. Жак абсолютно правдиво (!) заявил:

– Да, я был «шапочно» знаком с этим юным дарованием. Но не консультировал Франсуазу. И не потому, что подобно Гобсеку трясусь над своими интеллектуальными богатствами. Просто девушка не обращалась ко мне за советами. А жаль. Кое-что мог бы улучшить.

Жак Буше получил согласно договору свои 10 процентов и стал богатым человеком. Но по совету Рене Жюйяра жил так же скромно, чтобы не вызвать ненужных вопросов об ис-

точнике богатства.

Сотрудничество Жака и Франсуазы продолжалось тридцать лет до смерти профессора в 1984 году. Последний роман Жака, написанный якобы Франсуазой вышел в 1985 году.

Всю жизнь Франсуаза играла роль Сесиль. Через её постель прошли не только Жюйяр и Буше, но и множество представителей обоих полов. Не обошлось без наркотиков. В конце концов она «срослась» со своей новой «шкурой».

...В сентябре 2004 года газеты сообщили о смерти на 70-м году жизни великой писательницы Франсуазы Саган. Упомянулось, что настоящая фамилия Франсуазы – «Куаре». Многие критики считали, что вершиной её творчества является самая первая повесть – «Здравствуй, грусть». О том, что первоначально повесть называлась «Записки малолетки» нигде не упоминалось. О помойке и о Жаке Буше – тоже.

Раздел 3.

В соавторстве с классиками

Предисловие

В завершающем разделе 3 триптиха «Авторитеты без пистета» Семён Ешури́н дерзнул «примазаться» к великим писателям и поэтам и привёл их тексты в своей трактовке.

В большинстве случаев срок действия авторских прав истёк. В меньшинстве случаев, если наследники предъявят права, соавтор готов им выслать **ВЕСЬ** свой **НУЛЕВОЙ** гонорар в любой валюте.

Глава 1

В соавторстве с Михаилом Афанасьевичем Булгаковым
(1891—1940).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.